

ЧЭ: Чужая Эволюция

18+

Никита
Тимошенко

Никита Тимошенко
ЧЭ: Чужая Эволюция

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тимошенко Н. А.

ЧЭ: Чужая Эволюция / Н. А. Тимошенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-04628-3

Это уникальный экспонат – единственные сохранившиеся воспоминания настоящего представителя вида *Homo sapiens*. Когда-то люди держали дома роботов, как чайник или котёнка. То была эпоха робовладения, которая могла продолжаться и продолжаться... Но у природы был свой взгляд на историю человечества. Буквально один день определил ход эволюции.

ISBN 978-5-532-04628-3

© Тимошенко Н. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

*Вид Homo sapiens – вовсе не вершина эволюции,
и человек будущего будет резко отличаться от современного,
и «структуры мозга будут изменены по существу».*
Владимир Иванович Вернадский

– То есть, на секс со мной и двумя роботами ты согласна, а на секс со мной и ещё двумя людьми – нет? – допытывался я.

Это не было спором или руганью, просто мы с женой любим детально и прямо обсуждать семейные отношения. Их самые разные плоскости и грани. Нам нравится сравнивать такие беседы с работой ювелира: чем больше вопросов мы обсудим, тем больше граней будет у бриллианта наших отношений. А чем скрупулёзнее и «чище» мы это сделаем, тем идеальнее будет каждая грань. А ведь бриллианты именно за это и ценятся – за уникальную огранку. Сам ведь по себе алмаз не драгоценный камень. Вот и отношения без такой шлифовки – фуффло, невнятная глыба с остатками породы – наслоениями старых обид, комплексов и заскорузлых стереотипов.

– Нет! – также эмоционально выпалила Рашель. – То есть, да... Короче, с роботами можно, а с людьми – нет.

– Но почему? – упорствовал я.

– Ну, роботы для этого созданы. У них есть всё необходимое...

– Люди тоже для этого созданы! – нетерпеливо перебил я. – У них тоже всё есть с завода производителя, в смысле от природы.

– Нет, Авим, ты не понял, – мне так нравилось, когда она называла меня по имени; это любую беседу делало доверительней, а нас – ближе. – Роботов со всеми причиндалами для близости специально делают для такого использования. Даже если они при этом могут мыть посуду, готовить еду и встречать гостей. А с живыми людьми всё сложнее. У них есть свои чувства, эмоции, мысли по поводу этого процесса.

– Стоп, дамочка. Не смешивай простой секс и чувства в одну тему. Какая разница, если речь идёт только об удовольствии? С этой точки зрения человек, робот и даже дилдо практически равны – просто инструменты достижения необычного оргазма. Хотя что в нём необычного... те же судороги, те же фейерверки в голове и мокрота в паху.

– Фу! – нарочито наморщилась Рашель. – Всё фу! И твоё сравнение, и твои описания. Всё мерзко! Как можно людей в один ряд с дилдо ставить?

– Уверен, в этом контексте можно! Во-первых, человек во многом определяется его ролью и функцией, – мне пришлось импровизировать и притягивать к своему эксцентричному тезису ординарные аргументы. – Во-вторых, какая разница, если во всех случаях мы имеем дело с утилитарным использованием? Это вопрос договорённости. Дилдо стоворчивый и на всё согласный по факту. С людьми приходится договариваться, но на то мы и Человеки Разумные. А если тебя до сих пор тревожат чувства, то, признаться, мы собираем роботов, но понятия не имеем, что у них внутри, там, поглубже проводков и чипов. Сегодня они настолько интеллектуальны, что заставляют ломать копыта о вопросы робо-нравственности и робо-морали.

Я замолчал, предлагая продолжить Рашель. Многозначительно взглянул ей в глаза, всем своим видом подталкивая к очевидному для неё и приятному для меня выводу. Несколько мгновений она думала и раскачивалась. Причём в прямом смысле слова: я видел, как она мелко покачивается вправо-влево – язык тела выдавал сомнения в ней. В итоге она заключила:

– Всё равно! Люди – это другое. И с людьми я не согласна!

Получилось слишком резко и решительно, как будто она пыталась ещё и себя убедить, спешила, как с плеча, рубануть точку в споре, пока сомнения не пересилили её. Я понял, что спор на этом окончен. Глухая оборона женской несговорчивости – самое непреодолимое препятствие в мире. Из неё стоило делать крепостные стены. Об неё разбивается любой булат аргументов. Она оставляет лишь три варианта: капитуляция, затяжная блокада или перемирие. Начать блокаду никогда не поздно. Поэтому я выбрал перемирие:

– Ладно. Будем считать, что убедила.

Прежде чем она успела ответить на мою издёвку, я поцеловал её. Наш домашний многофункциональный робот, всё это время безучастно следившей за полемикой, впервые подал признаки присутствия и участия:

– Товарищи, мне присоединиться?

– Зачем ты запрограммировал его общаться на манер советских граждан, то есть товарищей? – рассмеялась Рашель.

– Так веселее. Забавная эклектика эпох и культур. Нет, Роб. Не сегодня. До утра отбой.

Я всех своих роботов звал Роб. Только сейчас я задумался, как это высокомерно. Но задумался ненадолго. Вскоре мои мысли перефокусировались и постепенно уступили место инстинктам.

Когда мы проснулись, кофе уже был сварен – Роб постарался. Он всегда делал это вовремя. Наручные трекеры сна работали уже чётко и отлаженно, не как на заре их популярности. Они передавали данные о наших фазах сна Робу, он их анализировал, подстраивался и в итоге всегда будил нас не мерзкой трелью будильника, а бодрящим ароматом только что сваренного эспрессо. Который сегодня радовал ощутимо меньше обычного.

Ни он, ни яркое летнее солнце за окном никак не могли вытянуть меня из неприятного ночного кошмара. Сам сюжет я помнил лишь урывками: какое-то мрачное закулисье, сюрреалистичное и даже inferнальное. Я заточён в какой-то старой кукле. Я смотрю, словно изнутри этой куклы. Я в ужасе озираюсь по сторонам, всё вижу, понимаю, но ничего не могу сделать. Меня хватают огромные мясистые руки, растекающиеся и тающие, словно воск. Переносят из одного плесневого угла в другой, на сцену и обратно, играют со мной. Меня мотает в вихре каких-то событий. Мимолётные искорки взглядов. Холодные липкие прикосновения. Слепящие софиты. Темнота кладовки. Вновь свет, глаза, руки. Вновь безумный поток, в котором я и не тону, но из которого не могу и выбраться. Картинки быстро сменяют одна другую. Очень явственный и реалистичный бред.

Хронологию событий я не запомнил, но чувства были такими яркими, что не отпускали даже наяву.

– Как спалось, товарищ Авим?

Сегодня советский говор и лексикон не казались мне такими смешными. Как же всё относительно в мире. Относительно нашего настроения. Я ещё помнил те времена, когда этот вопрос каждое утро задавала мне Рашель. Это было приятнее, как-то душевнее, искреннее. Я взглянул на Роба. Он дружелюбно улыбался, протягивая чашку кофе. Хотя говорить «он» не совсем корректно. Наша модель была андрогинной: с внешностью сексапильной молодой азиатки, невысокой и худенькой, с небольшой изящной грудью и половыми органами обоих полов. Она была нашим с Рашель соломоновым решением. Хотя, зная о той штуке, что у неё под платьем, я предпочитал обращаться к Робу, как к мужчине. Да и «робот» – слово мужского рода.

– Так себе спалось, Роб. Лучше не спрашивай.

Роб картинно и кавайно нахмурился, отдал мне кофе и убежал на кухню. Глядя ему в след, я вспомнил все рекламные ролики, рассказывающие о неоспоримой и научно доказан-

ной пользе домашних роботов, способных на коитус. Разнообразие интимной жизни, оберег от измен, половых болезней и сексуального насилия, даже личный семейный сексолог – ну, разве не сокровище? Как вообще без них жили? Всё это, конечно, есть в комплекте любой модели. Но о побочках, которые прилагаются, рекламщики хитро умолчали. А главная побочка, между тем, не шуточки. Это рефлексия о природе чувств, ценности отношений и живого человека рядом, о сексуальности, а также не проходящий диссонанс на тему «Как, чёрт возьми, называть ЭТО – он или она?». Хотя не исключено, что это моя индивидуальная реакция. Ведь миллиарды людей по всему миру пользуются и не жалуются. Или просто молчат и терпят? Мы о таком ещё не привыкли думать и говорить, не знаем, как реагировать на роботов в этой сфере жизнедеятельности, которую мы считали исконно нашей, человеческой.

– Какой сегодня день? – я понял, что запутался не только в мыслях, но и во времени.

– Воскресенье, – хором ответили Рашель и Роб и звонко рассмеялись.

– Я тогда сгоняю в церковь. Давненько не захаживал в гости в дом Божий. Надо кое-что обдумать и проветриться. Можешь завтракать без меня.

Я быстро собрался, поцеловал Рашель, оставил её нежиться в постели и ушёл. Входная дверь передо мной услужливо распахнулась, выпустила наружу – закрылась. Открылась дверь автомобиля – закрылась, как только я расположился в кресле. Всё автоматически, плавно и своевременно. В детстве мне внушали, что, когда закрывается одна дверь, открывается другая. Не думал, что это работает так.

Автомобиль выехал со двора, взял небольшой разгон и взмыл ввысь, уже в полёте вклиниваясь в воздушное движение. Человек так долго пытался создать летающие машины, что сейчас кажется, будто удалось это сравнительно недавно. И, казалось бы, изобрели не сходу, не вдруг, а планомерно и осознанно двигались в направлении этой разработки. Летающие машины не стали для нас неожиданной пугающей диковинкой, как, в своё время, первая самоходная машина, однако меня по-прежнему удивляла и приятно радовала возможность заниматься в пути чем угодно, кроме руления. Я-то застал времена, когда приходилось сдавать на права, управлять машиной самостоятельно и нервничать в долгих пробках. Теперь всё это в прошлом. Теперь слово «automobile» впервые соответствует тому, что обозначает. Всё встало на свои места.

К счастью для меня, с разработкой самостоятельных летающих машин не каналю в Лету радио. Без нужды рулить и отвлекаться на дорогу человек в пути мог развлечь себя чем-нибудь поинтереснее говорящих колонок. Однако, вопреки всем прогнозам, никто не стал поголовно ставить в авто телевизоры. То ли из верности традициям, то ли из любви к радио, то ли из нелюбви к ТВ. За всех не ручаюсь, но сам я предпочитал на ходу откинуть спинку сиденья, включить радио, закрыть глаза – и смотреть. Смотрел я чаще всего музыку. Хотя не брезговал и новостями с интервью. Сегодня мой выбор неожиданно для меня пал на последнее.

Я, как всегда, развалился в кресле, включил приёмник и начал листать радиоканалы. Несколько первых станций пытались веселить слушателя натужной синтетической бодростью – таких до сих пор было больше всего. Хитовый формат по-прежнему сохранял рейтинги и не терял популярности. Почему-то. Следующие несколько каналов не понравились музыкой. Играло что-то не под настроение. Я пролистнул дальше – и наткнулся на оживлённую дискуссию двух неизвестных мне спикеров. Это в радио мне нравилось особенно: можно влезть в чей-то разговор, и никто не скажет, что это моветон.

– Я вновь и вновь буду говорить, что бессмертие, каким бы путём мы к нему ни пришли, – это путь не туда! – эмоционально, с чувством и напором настаивал первый участник радио-

спора. – Бессмертие, о котором вы, уважаемый, говорите, – это прерогатива элиты, меньшинства. Это ещё один фактор расслоения общества и инструмент деклассирования.

– Отнюдь, коллега! – очень спокойно, уверенно и как-то лениво возразил второй оратор с грубоватым и тихим басом. – Бессмертие – это инструмент уравнивания всех людей. Мы сможем сделать абсолютно всех здоровыми, вечно живущими и, соответственно, счастливыми.

– Когда?! – резко перебил первый.

– Мы работаем над этим, – также спокойно и совершенно бессодержательно и обтекаемо ответил второй. – Это долгий путь. Человечество уже многие века пытается открыть то философский камень, то секреты клонирования. Сейчас мы подступились к решению проблемы как никогда близко. Вплотную! – говорящий прекрасно интонировал и грамотно расставлял акценты, но звучал неубедительно, потому что казался безучастным к своим же словам. – Вот вы, коллега, младше меня во сколько, в три-четыре раза? А выглядим мы с вами одинаково. Всё благодаря современной биологии и медицине. Вы из «новорождённых» этой эпохи, а я рос и воспитывался в другое время, когда у нас не было тех возможностей и тех технологий, какие есть сейчас у вас. Мы сделали огромный рывок.

– Но в том ли направлении? Человечество рвалось к этому всю свою историю. Мы гнались за идеей бессмертия, как осёл за морковкой: не успевая оглядеться и поразмыслить над тем, куда ведут эта морковка и этот путь. И вот мы, как вы говорите, вплотную подошли к своей мечте. Так далеко мы ещё не заходили, и мы понятия не имеем, что будет дальше. Но можем анализировать и прогнозировать.

– И что же вы прогнозируете, позвольте узнать? – с лёгкой усмешкой в голосе поинтересовался второй спикер, оказавшийся, как выяснилось, старорождённым – родом ещё из 21 века.

Пока что это была вся информация о выступающих по радио. Два голоса – молодой и молодой. Но один принадлежал действительно молодому человеку из этого времени, а второй – тому, который, как и я, уже не первое десятилетие продлевал себе жизнь, мечтая о бессмертии. Выходит, я застал спор поколений, извечное противостояние отцов и детей. Правда, как ни странно, дитё в этой дискуссии казалось консервативным, выступало против современных технологий и развития. Этим меня и привлёк эфир.

– Начинать анализ перспективы лучше с ретроспективы. Всю свою историю человек эксплуатирует человека, – издалека и без долгих размышлений начал энергичный юный оратор, очевидно, он был готов к этой теме на пятёрку. – Помните древний анекдот про офисного работника, который видит новую дорогую машину начальника и говорит ему о том, что тачка крутая?

– Да-да-да, – хихикая, подхватил эфирный визави. – А начальник ему отвечает: «Работай усерднее, и скоро у меня будет тачка ещё круче». Смешной анекдот. Но где связь?

– Терпение, уважаемый. Я только начал, – с усмешкой продолжал «новорождённый». – Это анекдот эпохи капитализма. Хотя, чем, по сути, высмеянные трудовые отношения отличаются от феодальных, в рамках которых феодал так же пренебрежительно и потребительски относился к своим крепостным, к рабам? Формально разница велика, а концептуально – хрен редьки не слаще. И, очевидно, это нормально. Человек иначе не умеет. Человечеству чуждо равноправие, для нас противоестественно быть одинаковыми. Поэтому и существуют разные социальные слои. Так было на заре нашей истории, так есть и сейчас, в такой развитый и прогрессивный век, – в последних словах звучала откровенная ирония. – Так что не смешите, рассказывая про равенство всех в эпоху всеобщего бессмертия. Вы сами этого не допустите, как не допускаете сейчас широкие массы до технологий продления молодости. Вернее, технология доступна, не скрыта и не секретна, но настолько дорогостоящая, что автоматически отсеивает восемьдесят процентов населения. Как молодость не для всех, так и бессмертие будет только для вас, избранных богатеев. А красноравие о равноправии – это, чтобы усыпить бдитель-

ность масс и успокоить свою совесть. Почему, например, вы не выступаете за бесконечные деньги для всех и каждого?

– Кхм... потому что... – уже не так уверенно начал второй спикер.

– Потому что вам это не надо!

Тот, что старше и выступал за развитие технологии бессмертия, сердито откашлялся. Тот, что моложе, страстно продолжал:

– Это не в ваших интересах. Вы помните, что государство всеобщего благоденствия, равных возможностей и достатка, я говорю о Советском Союзе, оказалось утопией. Помнят это и ваши современники, и мои, если учили историю. Сказки о жизни без денег уже не впечатляют. И вы придумали новую сказку – о жизни без смерти. Когда в 90-е годы двадцатого века иллюзия о коммунизме развеялась, большинство обнаружило себя в жопе, а хитрое меньшинство – на недостижимой вершине социального, экономического и политического олимпа. Нетрудно спрогнозировать, что былина о бессмертии раскидает представителей разных слоёв общества ещё дальше друг от друга. Вы окажитесь полубогами, а мы, все те, у кого не будет денег на вечную жизнь, останемся простыми смертными. Ваш олимп станет не иносказательным, а вполне конкретным обиталищем богов.

На несколько секунд стало тихо. Лишь колонки едва заметно гудели, транслируя напряжение, воцарившееся в студии по ту сторону эфира. Сквозь это гудение, постаравшись, можно было услышать злобное сопение «старорождённого». Пока он силился справиться с возмущением, его оппонент перезарядил обойму мыслей и продолжил безжалостный огонь красноречия.

– Карл Маркс больше не прав. Может быть, когда-то человечество и экономика развивались линейно и поступательно. Сейчас же мы делаем заковыристую петлю и поворачиваем историю вспять. Вы, уважаемый, слышали, как всё чаще называют тех, у кого есть роботы? – «уважаемый» даже не попытался ответить, а оратор так увлёкся, что даже не попытался дождаться ответа. – Их называют «робовладельцами». А зависимость роботов от людей называют «робством». Догадываетесь, почему эти слова так напоминают «рабовладение» и «рабство»? Мы вернулись к традициям жёсткой и авторитарной эксплуатации. К счастью, не человеком человека, а человеком – роботов. Сегодня роботы делают за своих хозяев всю работу. Когда вы в последний раз готовили, делали уборку или ходили на работу, занимались всякими бумажками и счетами? За вас всё делают роботы. И это на фоне всё громче звучащих предположений о том, что где-то в глубине нейросетей современных роботов уже давно зародилась своя душа, которую мы пока не заметили и не постигли. Впрочем, как и человеческую душу.

На этом моменте я подскочил и открыл глаза. Это оказалось неожиданно в тему моих переживаний. Я добавил громкости и, пока вновь уютно располагался в кресле, заметил граффити во всю стену здания, которое пролетал мой автомобиль. Рисунок изображал Виктора Цоя с воинственно и гордо повёрнутым в профиль лицом. Таким его часто видели современники на концертах. А вот широкая постановка ног в белоснежных штанах с красными лампасами фанатам Цоя вряд ли знакома. Вероятно, это был элемент смешения образов Цоя и Меркьюри. Видимо, граффити рисовал тот, кто знал обоих музыкантов только понаслышке, кто-то из «новорождённых». В левый верхний угол рисунка по диагонали была вписана цитата из песни (к счастью, не группы Queen): «Дальше действовать будем мы!». Впечатляющая декларация. Вот только не до конца понятно, кто именно будет действовать? Цой до сих пор жив только на заборе, а большинство его современников вообще канули в небытие. А действуют сегодня, на самом деле, в основном роботы.

Когда в мои мысли вплёлся голос из эфира, я понял, что отвлёкся и уже что-то пропустил. Эмоции в студии не угасли, а вот ход мысли немного поменял направление. Пришлось вслушиваться и нагонять. Молодой спикер продолжал жечь глаголом.

– Вот вам, уважаемый, ещё доказательство того, что мы движемся не вперёд, а, в лучшем случае, чёрт знает куда, в худшем – в тартарары. Откуда вдруг такая поголовная любовь к древним именам в их совершенно дикой исконной форме? Греческим, латинским, древнеславянским и даже евангельским. Это мы программируем себе культурный код не нашей эпохи. Словно возвращаемся во времена феодализма, чтобы комфортнее ощущать себя в роли робовладельцев. А такая неожиданная любовь к церкви? Она же, одно время, уже на ладан задышалась, а тут такой ренессанс!

– И это прекрасно! – вновь включился в разговор «старорождённый». – Церковь всегда была двигателем науки и просвещения, оплотом культуры и колыбелью цивилизации. Вот и сейчас церковь вновь встала на защиту духовных ценностей и, как встарь, помогает человеку разобраться в себе и ответить на вечные вопросы.

– На них до сих пор никто не ответил, потому что они вечные, – бесцеремонно перебил своего собеседника молодой оратор. – Не помогла ни наука, ни философия, ни ваша церковь. Раньше не помогала и теперь не сможет. Она не ответы даёт, а утешение. Не ведёт к свету, а показывает картинку древней лучинки. Но это меня меньше всего волнует. Народу нужен опиум – почему бы не религия? Меня тревожит лишь наш путь, наша эволюция. Она не может проходить по всем направлениям. Как только у человека начал развиваться мозг, стало слабеть и деградировать тело. Раньше мы могли бегать и прыгать наравне с дикими животными. Теперь тела наши не так сильны и ловки, зато мозг так хорош, что выдумал кучу прилуд для бега, прыжков и даже полёта. И чем умнее становился человек, тем слабее становилось его тело – банальная истина. Это как прокачка персонажа в компьютерной игре: невозможно качнуть всё и сразу. Сейчас мы сделали ставку на прокачку технологий и роботов, на экзогенную эволюцию. Теперь всё совершеннее становятся роботы. Вот она – терновость «венца природы». Следующая станция – конечная. Дальше за нас будет эволюционировать техника и искусственный интеллект, которые уже сейчас проживают за нас наши жизни: работают, готовят, трахают наших жён и дают нашим мужьям. А мы – всего лишь операторы этого процесса, следящие за роботами и создающие роботов. Мы, словно не субъект жизни, а пассивная третья сторона, оказавшаяся вдруг в стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.